

**ОСОБЕННОСТИ ПАРАДИГМАТИКИ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ
В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

© 2014

Р.Д. Урунова, доктор филологических наук, профессор кафедры «Журналистика и филология»
Ульяновский государственный университет, Ульяновск (Россия)

Ключевые слова: местоимения; дейксис; парадигматика; образцовая парадигма; полная парадигма; аномальная парадигма; результирующая форма.

Аннотация: Класс местоимений в современном русском языке является специфичным и неоднородным в грамматическом отношении, особенно по сравнению с другими грамматическими классами. В парадигматическом плане им приписываются признаки тех слов, заместителями которых они выступают в речи. Описание парадигматики местоимений в традиционном аспекте является логичным только в тех случаях, когда они рассматриваются отдельно друг от друга. В описаниях же их грамматических качеств в комплексе появляется множество противоречий, поскольку у местоименных слов, в отличие от полнозначных, система синтагматических отношений значительно шире парадигматических и, следовательно, не может быть заданной свойствами парадигмы. Функциональный подход позволяет определить, в чем заключается особенность парадигматики местоимений по сравнению с другими именными классами русского языка. Каждое русское местоимение имеет особую систему формоизменения. С точки зрения парадигматики современного русского языка буквально все местоименные парадигмы являются аномальными. В отличие от парадигм других классов, местоименные парадигмы являются вторичными по отношению к коммуникативным формам и представляют собой механически образованную их совокупность. Этот факт повышает важность представления о ценности функционального качества каждой местоименной формы в сравнении со словами других частей речи языка. Поскольку местоимения функционируют в языке в виде самостоятельных коммуникативных форм, относительно независимых от парадигмы, то каждое из них имеет свой собственный функциональный потенциал, который задается не парадигмой, а отношениями этой формы с окружением в тексте.

Класс местоимений в современном русском языке является специфичным и неоднородным в грамматическом отношении, особенно по сравнению с другими грамматическими классами. По определению А.М. Пешковского: «Местоимения представляют собой такую *единственную* в языке и *совершенно парадоксальную* в грамматическом отношении группу слов, в которой *неграмматические* части слов (корни) имеют (...) субъективно-объективное значение, т.е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» [1, с. 154]. И далее ученый уточняет: «Обобщая все эти (т.е. местоименные) значения, мы и получаем значение говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит, т.е. значение чисто грамматическое. Парадоксальность этих слов заключается в том, что у них *совсем нет вещественного* значения, а что у них и основное значение – формальное и добавочное – формальное. Получается “форма на форме”» [1, с. 155]. Местоимение приобретает «вещественное» значение, замещая какое-либо слово, уже в процессе коммуникации. «Эта особенность позволяет определить природу местоимений как исключительно грамматическую, что делает их непохожими даже на те слова, вместо которых они используются в тексте или в речи. В употреблении местоимения всегда заключается некий прием, осложняющий смысловую структуру конечного речевого продукта» [2, с. 202]. Несмотря на признаваемую всеми грамматическую специфику местоимений, в лингвистических трудах разных поколений они, как правило, рассматриваются как заместители других слов, главным образом именных по своей грамматической природе, что вполне соответствует их названию. В парадигматическом плане им приписываются признаки тех слов, заместителями которых они выступают в речи [3]. Несмотря на распространенное мнение, что такое представление является весьма узким, оно

фактически остается самым распространенным в течение довольно продолжительного периода.

Функциональный подход, использованный в данной статье, позволяет не только увидеть, что местоимения являются специфическими в грамматическом плане словами, но и определить, в чем заключается особенность их парадигматики с точки зрения других именных классов русского языка. За исходный объект в работе принимаются местоимения, которые появились в языке как маркеры дейктических значений, но в процессе эволюции языка в целом и дейктической системы в частности приобрели способность переходить в другие местоименные разряды. Мы попытались проследить особенности проявления местоименной специфики в парадигматическом аспекте.

Основным признаком для выделения какой-либо части речи в классической филологии долгое время считался морфологический признак. Для такого языка, как русский, этот признак заключается в наличии у группы слов общих парадигм. Общеизвестно, что парадигма является основной материально выраженной единицей любого флективного языка, поскольку для корректного употребления слова носителю такого языка необходимо хорошо знать и уметь использовать все его формы. Парадигма на любом уровне языковой системы представляет собой совокупность вариантов, закономерно чередующихся в процессе речевого функционирования и при этом объединенных общим для них устойчивым инвариантом. В языке такого грамматического типа, как русский, слова, функционируя в коммуникации, вступают в различные отношения друг с другом только как члены парадигмы. Они репрезентируются в потоке речи, структура которой, развертываясь во времени, выбирает на каждом этапе только один из членов той или иной парадигмы.

Парадигма репрезентирует в речи определенную грамматическую категорию. Она в некотором смысле является фиксацией конечного перечня грамматических значений и их комбинаторики и, следовательно, представляет собой определенное количество звеньев, что и делает ее закрытым классом форм [4; 1]. С позиции тех положений, которые являются основными для нашего исследования, следует уточнить: в узком смысле парадигма – это система всех грамматических форм слова [4].

Для точного описания местоимений необходим учет самых разнообразных факторов, поскольку они, выступая как заместители полнозначных слов, обладают большой гибкостью и в семантическом, и в грамматическом отношении. Часто хорошо разработанные в языкознании схемы годятся для описания лишь отдельной группы местоимений, качество которых адекватно критериям схемы, остальные же описываются в лучшем случае приблизительно, поскольку обладают какими-то особыми с точки зрения критериев схемы свойствами. Вступившие в синтагматические отношения местоимения могут иметь одинаковую линейную форму, но разные парадигматические, которые в таких случаях и будут определять смысл этих слов. Так, *их*¹ – лично-указательное местоимение: *Я встретил их вчера на футбольном матче*; *их*² – притяжательное местоимение: *Их усилия дали положительный результат*. По своему выражению эти слова совершенно идентичны, но по парадигматическим отношениям они являются членами разных грамматических наборов:

1) *их*¹ – член парадигмы местоимения *они* во множественном числе, родительном падеже; противопоставляется другим парадигматическим формам: *им*, *о них*, *ими*;

2) *их*² – член парадигмы притяжательного несклоняемого местоимения *их* во множественном числе; противопоставляется другим парадигматическим формам: *ее*, *его*.

Основным понятием для парадигматического плана флективного языка является образцовая парадигма (А.А. Зализняк, И.Г. Милославский, Н.Ю. Шведова и др.). Образцовая парадигма – это максимально полный набор всех форм слова. Каждая часть речи имеет свои образцовые парадигмы, в соответствии с которыми оцениваются все слова, относящиеся к данному грамматическому классу. Парадигмы, совпадающие по количественному составу с образцовыми, называются полными. Полная парадигма охватывает сразу все грамматические варианты одного слова независимо от того, какую категорию они выражают [5]. Наличие избыточных парадигматических форм так же, как и их недостаток, дает основание считать парадигмы аномальными, не соответствующими грамматическому типу.

В зависимости от того, образец какой части речи представлен в парадигме, определяется ее количественный состав. Количественный состав местоименной парадигмы по традиции определяется по количеству форм в парадигме того слова, которое замещается местоимением в речи. В действительности, функциональный анализ показывает, что у местоимений количество парадигматических форм, как правило, не совпадает с грамматическими образцами слов, относящихся к другим частям речи, и это, пожалуй, является главной особенностью парадигматики местоименного класса.

Показательным примером этого являются лично-указательные местоимения 3-го лица. Фактически каждое из них обладает изобилующей парадигмой, т. к., кроме обычных стандартных форм, у них есть дублетные предложные с начальным «н» в каждом (кроме именительного) падеже: *он* – Р. п. *его / от него*; *ее / от нее*; *их / от них*. У возвратного местоимения, напротив, парадигма дефектная, т. к. в ней нет не только формы именительного падежа, но и ни одной формы множественного числа. У этого местоимения каждая падежная форма по числовому значению универсальная, поскольку обслуживает слова и единственного, и множественного числа: *он поставил себе цель / они поставили себе цель*.

Часто в исследованиях парадигматическая форма слова становится объектом наблюдения как независимая единица. Это неизбежно приводит к искажению результатов, поскольку парадигматическая форма не самостоятельна. В языках с флективным грамматическим строем, к которым относится и современный русский язык, грамматическая форма слова является продуктом парадигмы и имеет качество, обусловленное ее отношениями с остальными формами. У полнозначных слов грамматическое качество результативной формы обуславливается потенциями, заложенными в парадигме [6; 4], у местоимений же практически каждая результативная форма значительно отличается от потенциальной парадигматической. Например: *Тебе хорошо у нас? У нас* (т. е. *в коллективе*) – среди нас (включая говорящего); *У нас, в России, работают пока немногие* (Чехов). *У нас* – в государстве (максимально ослаблено значение 1-го лица и усилено предложно-падежное значение места). Эти формы обладают различными типами функциональной ценности, и их нельзя идентифицировать как одну. Сюда же следует отнести и авторское *мы* и *мы* множественного числа, вежливое *Вы* и *вы* множественного числа.

Лinguисты называют русский язык парадигматическим, так как его основной грамматической единицей является не слово, а его парадигма. Парадигма определяет весь функциональный потенциал слова, т. к. слово употребляется в рамках возможностей своей парадигмы. Такой строй требует, чтобы все минимальные грамматические системы были однотипными, отсюда представление об образцовом характере парадигм разных частей речи [6; 5]. Между тем практически каждое русское местоимение имеет особую систему формоизменения, отличную от других местоименных парадигм. С точки зрения парадигматики русского языка буквально все местоименные парадигмы являются аномальными [7, с. 65–66]. Они или шире (как у лично-указательных местоимений), или уже (как у возвратного местоимения), чем типовые парадигмы именных частей речи. Некоторые местоименные парадигмы даже имеют в своем составе словоформы, которые не встречаются у других слов грамматически близких местоимениям (например, формы одушевленности – неодушевленности у определенных местоимений). Кроме этого, обращает на себя внимание супплетивизм местоименных форм, который, несомненно, является парадигматическим явлением. Это редкое в других именных системах явление в местоименном классе встречается довольно часто, что дает основание считать его признаком, характерным для местоименных парадигм.

Исследования ученых разных поколений (А.А. Потебня, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.А. Зализняк, Н.Ю. Шведова, И.Г. Милославский) свидетельствуют о том, что местоимения не поддаются корректному описанию с точки зрения типовой парадигматики современного русского языка. Отчасти это можно объяснить тем, что местоименные парадигмы, имея много общих признаков с другими грамматическими классами, образуются, подчиняясь особым нехарактерным для остальных слов тенденциям [8]. Поскольку исчерпывающее описание местоименного класса по образцам, отражающим качество других частей речи (даже тех, заместителями которых выступают местоимения), невозможно, то целесообразно исследовать их, применяя подход от конкретного употребления местоимения к парадигме. Для корректности описания в качестве одного из опорных постулатов необходимо принять следующее положение: – поскольку местоимения функционируют в языке в виде самостоятельных коммуникативных форм, относительно независимых от парадигмы, то каждое из них имеет свой собственный функциональный потенциал, который задается не парадигмой, а отношениями этой формы с окружением в тексте.

В отличие от парадигм других классов, местоименные парадигмы являются вторичными по отношению к коммуникативным формам и представляют собой механически образованную их совокупность. Этот факт повышает важность представления о ценности функционального качества каждой местоименной формы в сравнении со словами других грамматических классов языка. Функциональный подход позволяет построить из отобранных фактических форм местоимений обобщенные парадигмы. Такие парадигмы, в отличие от традиционных, являются функциональными, они обладают лишь относительной устойчивостью для конкретного исторического отрезка существования языка. Каждая форма такой парадигмы является продуктом результативной функции, которая осуществляется местоимениями в конкретных случаях употребления в коммуникативном акте или в тексте. Таким образом, функциональная парадигма мотивирована результативными функциями, которые и определяют границы возможностей и характер грамматических признаков местоимений.

В процессе исследования местоименных парадигм выяснилось, что их важнейшими характеристиками являются динамика и незамкнутый характер. Матрицы местоименных коммуникативных функций заполняются соответственно сложившейся в данный период язы-

ковой ситуации, и некоторые из них веками остаются пустыми. Это, например, объясняет, что в парадигме возвратного местоимения *себя* нет формы именительного падежа, а у местоимения *некто* вообще отсутствуют формы косвенных падежей. Местоименные парадигмы, как и любые функциональные системы, являются подвижными – их объем и конфигурация определяются потребностями в речевых элементах определенного функционального качества в необходимой для данного временного периода степени. Поэтому они включают наборы только тех форм, которые необходимы для осуществления коммуникации в строго определенный момент существования языка.

Местоимения легко описываются с точки зрения традиционных, общих для всех частей речи парадигматических и синтаксических свойств только в тех случаях, когда они рассматриваются отдельно друг от друга. Но описание их грамматических качеств в комплексе (как у других частей речи) вызывает множество противоречий, поскольку у местоименных слов, в отличие от полнозначных, система синтагматических отношений значительно шире парадигматических и, следовательно, не может быть заданной свойствами парадигмы. Именно эта особенность определяет требование искать новые критерии и подходы для исчерпывающих характеристик местоименного класса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1956. 512 с.
2. Урунова Р.Д. О масштабах синтагматики анафорических местоимений в функциональном аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. Часть 2. С. 202–213.
3. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 789 с. Т. 2. 714 с.
4. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. С. 752.
5. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. С. 254.
6. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 208 с.
7. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. С. 879.
8. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл: Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: ИРЯ РАН, 1998. 176 с.

FEATURES OF RUSSIAN PRONOUNS PARADIGMATICS IN FUNCTIONAL ASPECT

© 2014

R.D. Urunova, Professor of the Department «Journalism and Philology»
Ulyanovsk state university, Ulyanovsk (Russia)

Keywords: pronouns; deixis; paradigmatics; standard paradigm; full paradigm; anomalous paradigm; effective form.

Annotation: The class of pronouns in modern Russian language is specific and grammatically heterogeneous, especially in comparison with other grammatical classes. As concerns paradigmatics, pronouns have the characteristics of words which they substitutes in speech. Traditional description of the pronouns paradigmatics is logical only in those cases, when they are considered independently of one another. In complex descriptions of their grammatical qualities the great number of contradictions appears, as the pronominal words unlike notional words have wider system of syntagmatic relations in comparison with paradigmatic relations, and for that reason it can not be expressed by the paradigm properties. Functional approach allows to define, what is the feature of the pronoun paradigmatics compared to other nominal classes

of the Russian language. Every Russian pronoun has the special system of form change. From the point of view of paradigmatics of modern Russian language practically all pronominal paradigms are anomalous. Unlike the paradigms of other classes, pronominal paradigms are secondary in relation to communicative forms; and they are mechanically formed complex. This fact increases the significance of the concept of the importance of functional quality of each pronominal form in comparison with the words of other parts of speech of the language. The pronouns act in the language in independent communicative forms rather independent of paradigm. Each of them has its own functional potential that is set not by a paradigm, but by the relations of this form with the text environment.